

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «НЕНАСТЬЕ»

И. Б. Ничипоров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 30 октября 2023 г.

Аннотация: статья посвящена новейшему литературному материалу — роману А. Иванова «Ненастье» (2015), который представляет самобытное эпическое полотно о современности. Охарактеризованы подходы автора к художественному исследованию переломных этапов общественной жизни 1980–2000-х гг. и сопряженных с ними индивидуальных и коллективных социальных состояний. Делаются выводы о значении регионального «городского текста», сюжетно-композиционных решений для выявления типов отношений персонажей с историческим временем.

Ключевые слова: современный роман, Алексей Иванов, историческое время, социальные состояния, массовые сцены.

Abstract: the article is devoted to the latest literary material — A. Ivanov's novel "Bad Weather" (2015), which has become an original canvas about modernity. The author's approaches to the artistic study of the critical stages of the social history of the 1980s — 2000s and the associated individual and collective social states are characterized. Conclusions are drawn about the significance of the regional «urban text», plot and compositional solutions for identifying the types of relationships of characters with historical time.

Keywords: modern novel, Alexey Ivanov, historical time, social conditions, mass scenes.

В истории новейшей литературы 2015 год отмечен появлением ряда масштабных социально-психологических полотен о современности и недавнем прошлом: речь идет о романах «Лестница Якова» Л. Улицкой [1], «Любовь в эпоху перемен» Ю. Полякова [2] и «Ненастье» А. Иванова [3].

В «Ненастье», этом, по определению автора, «экзистенциальном» романе [4], запечатлелись объемная панорама рубежных десятилетий — от афганской войны до конца 2000-х гг., атмосфера и выразители «эпохи, давшей столько материала для социального творчества», которая, однако, «прогорела зря, ни за что ни про что» [5].

Отправной точкой сюжетного развертывания социальной истории стал в романе поворотный для страны день 20 августа 1991 г., когда служивший в Афганистане Герман Неволин по приглашению своего бывшего командира и друга Сергея Лихолетова приезжает из Куйбышева в «советский промышленный миллионник» [6]¹ Батуев и присоединяется к афганскому братству «Коминтерн».

В очерченном емкими штрихами местном ландшафте «Коминтерн» претендует на роль влиятельной общественно-экономической силы. В дни путча «братство» выступило «за Горбачева» и занялось перекройкой городской среды, «отжалом» Дворец спор-

та и расквартировало в «Юбиле» свой штаб во главе с Лихолетовым, который впервые появляется в окружении бойцовского вида соратников — «лохмат, небрит, с мощным коньячным выхлопом... босой, в камуфляжных штанах и в майке-тельняшке». Сплоченное «афганской идеей» «землячество по войне» в условиях распадающегося государства пытается опробовать *альтернативные тоталитаризму формы гражданской жизни*. «Коминтерн» жестоко продемонстрировал неизбежное для переходных лет разрушение сложившихся биографий и профессиональных репутаций. Так, заслуженный тренер Яр Саных — мастер спорта по легкой атлетике — в «новые времена», когда, по его отчаянным наблюдениям, «жизнь в городе стала разваливаться», превратился в маргинала, обреченного на молчаливое созерцание сожительства своей 15-летней дочери с Лихолетовым и на унижительную «должность обслуги», принужденной ломать себя, чтобы «сделать пацанам красиво». При всей разношерстности «братьев по Союзу», их буйных нравах и непоследовательности выдвигаемых инициатив, «гнездившийся» в «Юбиле» Штаб имел начатки демократического устройства и на своем уровне подтверждал действенность механизмов гражданской самоорганизации и коллективного управления: здесь «всех выбирают на три года... кто за бизнес отвечает, кто за социалку, кто за финансы».

Детализированными массовыми сценами в романе передаются социальные состояния кризисной эпохи, за ситуативными эмоциональными реакциями жи-

¹ Текст романа приводится в статье по указанному источнику.

телей Батуева просматриваются глубины коллективного подсознания в теряющей привычные ориентиры повседневности. В эпизоде захвата афганцами Шпального рынка в фокус изображения попадают не только многолюдные столкновения, но и психологические зарисовки того, как «среди мусора бродили потрясенные люди, что-то подбирали, отряхивали», как «старик, дрожа от похмелья, продавал орден», как пространство с разных сторон оглашалось агрессивными выкриками и «было взболтано хаотичным, бессмысленным мельтешением». Кровопролитный передел собственности между афганцами и криминальными кланами окрашивается под пером Иванова в апокалиптические тона и обнаруживает угрозу ослабления социальных связей. Бассейн «Чунга» «прибрала к рукам группировка Бобона, и детишки сюда теперь уже не ходили», в бывшем гребном клубе «Нептун» обосновались кабак и казино, заброшенный пионерлагерь переоборудован в «тренировочную базу для бойцов-чоповцев», при этом одряхлевшее, лишенное работающих общественных институтов государство расписалось в беспомощности перед надвигающимися потрясениями: «А что еще власть могла сделать с этими дерзкими солдатами?»

Сюжетообразующую функцию выполняет в романе многолетняя, тянувшаяся с весны 1992-го история захвата афганцами новостроек на улице Сцепчиков, которые предназначались для их семей, однако решением горисполкома были втихомолку проданы влиятельному банку. Поняв, что «по-другому нам квартиры не получить», Лихолетов и его соратники запустили мощнейшее даже для крупного города и вдохновленное атмосферой непредсказуемых перемен движение массового гражданского сопротивления. Если первомайская демонстрация представлялась Герману Неволину ритуалом уходящей эпохи, «разбитым войском, которое изображает триумф», поскольку ее участники вышли «от обиды, от злости, из упрямства, а вовсе не в порыве праздничного воодушевления», то динамичные сцены не санкционированного властями семейного заселения в дома «на Сцепе», напротив, отразили и всплеск общей эйфории, и хрупкий, трудно нарождавшийся в новой России опыт гражданской консолидации, отстаивания ценности частных, семейных интересов вопреки неограниченному всемогуществу государства. Как чувствовали афганцы и их близкие, «сегодня мы опять победили», потому что «здесь, в Батуеве, Серега заставлял парней снова сражаться за свою судьбу», для них «Лихолетов был герой». Укрупненное изображение лиц, разговоров, душевных импульсов участников общего застолья во дворе, где по-свойски «закусывали друг у друга из тарелок», «тихонько гладили чужих жен по задкам», контрастно соотнесено с включениями заказных, манипулирующих общественным мнением теленовостей, трагикомическими эпизодами проплаченных властями митингов «усталых теток», ряже-

ных «матерей-одиночек», которые, впрочем, и сами не могли долго оставаться слепыми исполнителями государственного «задания»: «Тетки, что выкрикивали лозунги, сбились и замолчали. Они смотрели на этот двор с качелями, на лоджии, где сушилось белье, на злых захватчиц, что прижимали к себе ревущих малышей, и тоже не выдержали — друг за другом заплакали в голос. Девчонки «афганцев» рыдали от обиды и от сочувствия, а матери-одиночки — от замордованности и тоски: ни жилья у них, ни мужей».

«Афганское сидение» окрыляло его участников не по возрасту восторженным переживанием нерушимого «товарищества», «дивным ощущением полноты бытия», но в политической перспективе возникновение на окраине Батуева морально несломленного «укрепрайона», осадной «гражданской крепости», дерзко требующей для себя троллейбусную остановку, знаменовало лишь начало длительного формирования коллективного правосознания и необходимой зрелому обществу культуры протеста.

На весну 1993 г., когда набирало обороты естественное для открытой политической системы, но приобретающее в России уродливые формы противостояние ветвей государственной власти, в сюжете романа приходится инициированный сверху и символически предвосхищающий штурм парламента в Москве разгром коминтерновского штаба бойцами СОБРа и арест Лихолетова, сломавший его политическую и личную судьбу.

Лихолетов как незаурядная натура и социально-психологический тип потенциального политического деятеля выступил в романе предметом развернутого художественного исследования. В Батуеве он окончил железнодорожный техникум, ушел в армию, «застрял в Афгане», где с годами «стал эдаким бывалым и авторитетным человеком», который «даже в пьянке не забывал, что он командир». В афганских ретроспекциях и воспоминаниях бывших сослуживцев воссоздан внутренний склад 25-летнего героя, уже четвертый год воюющего на чужбине. Афганистан вырвал его из «застойной» современности, здесь он «вел себя как американский рейнджер и выглядел не по-советски», в критических ситуациях сквозь хмельную браваду, решимость «нажраться спирта под стволами у "духов"», героизмовать и противоречить «здравому смыслу, опыту и чувству самосохранения» в нем обозначались задатки организатора социальных движений. При бросавшейся в глаза склонности упиваться грубым «чувством превосходства и уверенностью в своем праве командовать», свойственных ему самоощущению «рисковым, ловким, правильным и техничным», привычке «жить напоказ» — для него, по пронизательным характеристикам Володи Канунникова и Неволлина, «Афган был не подвигом, а поводом объединиться», именно поэтому «его Афган не раздавил», а «обстоятельства (даже победы) не подчиняли его себе». Обладая не вполне реализо-

вавшим лидерским талантом, Лихолетов стихийно, без опоры на серьезную политическую рефлексию искал *новых форм независимой от государства социальной общности в посттоталитарной стране*. Улавливая пробуждающуюся у современников потребность в правовом мышлении, он понимал «Коминтерн» как «механизм справедливости», гарантию совестливого отношения к собратьям, что, по его мнению, могло быть обеспечено уникальной структурой — «одновременно общественной организацией, корпорацией из разных бизнесов и преступной группировкой».

Трехлетняя изоляция обернулась для Лихолетова непоправимой рассогласованностью с ритмами времени. Симптоматично в этом плане срежиссированное им из тюрьмы протестное перекрытие афганцами станции Ненастье. Если история с занятием домов на Сцепе обнаружила серьезный массовый запрос на социальную справедливость и контроль общества над государством, то драматургически насыщенное описание акции в день ВДВ на железной дороге прочитывается как *метафора безрассудной растраны социальной энергии, опасных блужданий растерянного людского множества по «рельсам» истории*. «Злобно-веселая десантура, готовая к быстрой обиде и драке», под «разухабистый хриплый шансон» бравировала своим превосходством над не причастными к антиафганским преследованиям железнодорожниками. Добиваясь реванша за разгромленный «Юбилей» и арест командира, афганцы «ломили своё силой, нарушали порядок», «переиграли ментов»; теряя чувство реальности, отдавали «приказы по фронту», выглядели то «израненным гарнизоном», то орущими в микрофон «шутниками».

Стадии деградации «Коминтерна» после ухода и гибели Лихолетова композиционно соотнесены с изменениями общественного климата во второй половине 1990-х гг. На фоне открывающихся в Батуеве первых супермаркетов с их разительно отличным от старых гастрономов «цветастым изобилием», а затем и мегамоллов на месте когда-то покоренного афганцами Шпального рынка — это сообщество так и не сформировало самостоятельной платформы, вследствие чего маргинализировалось и выродилось вначале в банду на джипах, а после квазидемократических президентских выборов 1996 г. и особенно дефолта 1998-го было подмято жерновами «бюрократических превращений и комбинаций». Социально-политическую нишу боровшихся за свои права афганцев заняли «масштабные и солидные бизнесы победителей», в городе выросли «фасеточные башни из черного и синего стекла... ушли бандиты и банкиры, пришли мошенники и менты», наподобие майора Щebetовского или капитана Дибича, этого представителя нового поколения силовиков, «артистичного циника, умелого сыскаря и почти фигляра», наловчившегося эстетски «намазывать паштет на тост».

Болезненные стороны новейшей социальной истории преломились в личном и идейном конфликте Лихолетова и майора Щebetовского. Щebetовский — приметный социальный тип, художественно открытый автором в современности. 1952 года рождения, «комитетчик», служивший в спецкомендатуре погранвойск в Кабуле, сращенный с силовыми ведомствами и батуевскими бизнес-элитами, «очень надежный, располагающий к себе, такой умный в вежливо затемненных очках» — майор обрисован небесталанным, риторически убедительным и жестким *идеологом неототалитаризма*, который допускает имитации демократических процедур, подконтрольный Системе «легальный и уважаемый бизнес», элементы экономической свободы, однако радикально отрицает свободы гражданские. В концептуальных столкновениях с Лихолетовым он выражает скепсис в отношении афганского братства в качестве самоуправляемой общности и перспективного социального проекта, поскольку, по его идущему из старых времен убеждению, «быдло никогда не станет войском... просто люди вернулись с войны», лихолетовской же «ставке на миф» он противопоставляет ультимативное предложение «действовать согласованно».

С опаской распознавая в «Коминтерне» отнюдь не отвлеченный миф, а возможный прообраз будущего гражданского общества, Щebetовский направил властные ресурсы на то, чтобы «выдрессировать» и «побороть» это «агрессивное», по его оценке, объединение, «по пальцам разжал кулачище “афганцев”», перемолол «ревущую и полупьяную толпу недавних солдат» в «два скромных тихих офиса». В мае 1996-го, в канун выборов президента, он, видя себя «стратегом, мудрым политиком», прагматично заявляет Лихолетову, что «сейчас не модно бороться за социальную справедливость... вы использованы и выброшены на обочину». А в январе 1997 г. победа «комитетчика» на выборах в ненавидимый им «Коминтерн» обнажила *падение уровня общественной дискуссии о направлениях развития страны, кризис социального смыслопорождения*. В фарсовых предвыборных дебатах бледными контраргументами к демагогии майора о том, что «главное — социалка», оказались лишь анахроничные «Серегины яростные планы», легковесные упования на то, что афганская идея «нам везде поможет», «свои своих поддержат», и «возможностей дофига»...

В частных судьбах персонажей их социальные состояния нередко определяются конфликтными отношениями с меняющимся историческим временем.

Драма выпадения из современности сблизает разнонаправленные жизненные траектории ключевых героев. Лихолетов после освобождения «очутился в другой эпохе», никак «не ожидал, что Афган окажется неважной темой». Не утруждая себя социальной аналитикой, он застыл в дискурсе ранних 90-х, не соотнес практики «былых безбашенных времен»

с тем, что теперь «страна получила новую ненавистную войну в горах». Препятствующее общественному развитию *капсулирование личной и социальной инициативы* очевидно и в перерождении Лихолетова в «замкнутого бизнесмена», упорствующего в «тихой и глухой осаде» своих противников, и в подобии семейной жизни Неволлина с Таней, сводящейся к тому, что «по вечерам Герман с Танюшей просто мирно смотрели телевизор». Даже бездетность Тани служила дополнительным поводом к отчуждению от внешнего мира, поскольку, по самовнушению героини, «в новом мире обмана и несправедливости дети были протезами успеха, костылями». Мотивацией преступления Неволлина оказывается надрывная попытка любой ценой вырваться из-под давления среды, добиться, чтобы «все эти события перестали определять, как Немцу надо поступать». Разрывом с исчерпанным жизненным циклом стало предпринятое им 14 ноября 2008 г. самоубийственное ограбление спецфургона, подготовка к которому питалась давними эскапистскими грезами о бегстве в Индию — «страну забвения», открывающую дорогу в придуманное им внесоциальное измерение, «из ненастья на полуденное солнце». Общение в Индии с афганским товарищем Рамилем Шамсутдиновым, близость с бывшей батуевской журналисткой Дашей вводят манившую Германа экзотику этих мест в дорогой ему круг Афгана, «Коминтерна», Батуева, мятежного Сцепа...

Позиция личного самосохранения в пору тектонических сдвигов выразилась в сюжетной линии бывшего афганца Володи Канунникова, с которым Неволлин встречается на вокзале после ограбления. Вокзал прочувствован в романе как многоголосый свидетель индивидуальных устремлений героев и движения истории: отсюда началась батуевская жизнь Германа, здесь некогда шумно бунтовали сподвижники Лихолетова, ныне же «вокзал... совсем иной, нежели в начале девяностых. Тогда он был заплеванной, темный и опасный, а теперь — удобный и респектабельный. Светящиеся табло, англоязычные указатели, эскалаторы, круглосуточные кафетерии. В киосках — таблоиды, шоколадки и одноразовые дорожные несессеры, а не презервативы, водка и брикеты китайской лапши». Беседа Германа с Володей Канунниковым, их воспоминания выдвигают взвешенную, самокритичную рефлексию последнего о «буйных временах», отпечатавшихся в биографиях общих знакомых, об афганском синдроме и его тяжелых последствиях: «Мы пришли оттуда на понтах. Мы там такое увидели — и снова за парту? Да шиш! После Афгана что мы еще не знаем про жизнь? Все знаем!.. Мы были просто солдаты. Без профессий, без воспитания. Молодые, наглые, к тому же безработные. Чего от нас можно было ждать? Что мы банк учредим? Будем изобретать нанотехнологии? И мы лупили морды врагам, гоняли на тачках, гулеванили,

бодались за кабаки и магазины. А умные мальчишки и опытные дяди учились обращаться с ваучерами и протискивались в кабинеты, в которых нам было скучно. И потом забрали у нас почти все. Некоторые наши парни сумели вписаться в систему, но большинство — нет...»

Пунктирно прослеженный путь Канунникова осознан в ценностной системе произведения как альтернативный по отношению к участи многих его собратьев опыт сбережения частного, семейного существования в противовес катаклизмам современности. Однако в молчаливой «правильности» этого порядочного и трудолюбивого семьянина различимо вынужденное — субъективно, вероятно, давно оправданное, но от этого не менее драматичное — *бегство от поиска и артикулирования насущных нравственных, социальных, политических смыслов* в ностальгические ретроспекции и скрупулезное устройство самозамкнутого благополучия, наподобие неволинской «страны забвения»: «Володя закончил политех. Он учился как раз во времена «афганского сидения», когда другие парни бухали, гоняли на разборки или мутили какой-нибудь разухабистый бизнес. Володя получил трехкомнатную квартиру «на Сцепе»; у него с Олей и так было двое детей — пацаны-разбойники, и сразу завелся третий ребенок — Ксюшка. Володя не пристраивался ни к кому из успешных приятелей, чтобы срубить бабок, не квасил и не химичил. Он был правильным. И почему-то его принципиальность никогда не отталкивала, его скромность не вызвала жалости, его спокойная честность не обижала. Он работал на комбинате «Электротяга», дорос до заместителя главного инженера по энергетике. В девяностые на комбинате ни шиша не платили, а в нулевые вернулись заработки — не бог весть что, но жить можно, и Володя выкладывался...»

Итак, в одном из примечательных современных образцов романного жанра веги социальной истории рубежа столетий постигаются в соотнесенности с радикальными переменами в сознании и судьбах ключевых персонажей. Авторское повествование выстроено как остросюжетное, многоголосое высказывание о современности, ее героях и антигероях, победителях и проигравших. На стыке 80–90-х гг. новая эпоха открылась слабо оправдавшимися впоследствии предвестиями коренных сдвигов в общественной жизни, которые могли вывести к переосмыслению истории, расширению гражданского участия в государственном управлении, выдвижению независимых лидеров и формированию конкурентной политической среды. В пространстве регионального «городского текста», в хитросплетениях сюжета о распавшемся афганском братстве писателем исследуется широкий спектр социальных состояний отдельных персонажей и значительных групп — от переживания товарищеской, гражданской солидарности, различных стратегий лидерства до имитации обществен-

ного диалога, осознанного или стихийного разрыва с историческим временем, бунта против него, ухода в сферу частной жизни и моделирования утопических сценариев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ничипоров И. Б. Личность и история в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» / И. Б. Ничипоров // Пушкинские чтения — 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XXI междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. — СПб.: ЛГУ, 2016. — С. 75–80.

2. Голубков М. М. Преодоление иллюзий, или Как нас обманывает история (размышление о романе Ю. Полякова «Любовь в эпоху перемен») / М. М. Голубков // Филологическая регионалистика. Научный и информационно-аналитический журнал. — 2016. — № 3. — С. 7–14.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ничипоров И. Б., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса

E-mail: il-boris@yandex.ru

3. Ничипоров И. Б. «Ненастье» Алексея Иванова как роман о современности И. Б. Ничипоров // Пушкинские чтения — 2018. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XXIII междунар. науч. конф. / отв. ред. Т. В. Мальцева. — СПб.: ЛГУ, 2018. — С. 105–110.

4. Алексей Иванов: «Современный человек ищет свою корпорацию» [Интервью] // Режим доступа: <http://ivanproduction.ru/intervyu/sovremennyj-chelovek-ishhet-svoyu-korporacziyu>. (дата обращения: 29.10.2023).

5. Лев Данилкин о «Ненастье» Алексея Иванова // Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/culture/3244-lev-danilkin-o-nenaste-alekseya-ivanova/> (дата обращения: 29.10.2023).

6. Иванов Алексей. Ненастье / Алексей Иванов. — Режим доступа: https://sharlib.com/read_427922-1 (дата обращения: 29.10.2023).

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Nichiporov I. B., Doctor of Philology, Prof. of the Department
of the History of the Newest Russian Literature and Modern
Literary Process*

E-mail: il-boris@yandex.ru